

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XVII

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

Е. П. Орлова

ВЕРОВАНИЯ КАМЧАДАЛОВ-ИТЕЛЬМЕНОВ

(Материалы)

Первые сведения о камчадалах, их облике, образе жизни собрал открывший Камчатку «казачий сын» Владимир Атласов, совершивший туда два похода (1697—1699 и 1707). Его «скаска» содержат много ценных, ранее неизвестных данных об этом крае, в первую очередь географических. Однако цели и характер походов В. Атласова не позволяли ему долго задерживаться на одном месте и специально изучать быт, культуру и верования вновь открытого народа. Видимо, поэтому у него сложилось впечатление, что у камчадалов «веры никакой нет, только одне шаманы». При этом Атласов отмечал, что «у тех шаманов различье с иными иноземцы: носят волосы долги» [6, 14].

Материалы исключительной научной ценности о камчадалах были доставлены С. П. Крашенинниковым, проведшим на Камчатке пять лет (1737—1741) в составе второй экспедиции, созданной по указу Академии наук в 1733 г., и Г. В. Стеллером, находившимся на полуострове в одно время с С. П. Крашенинниковым (1740, 1742—1744). Эти исследователи собрали огромное количество важнейших сведений о культуре и быте камчадалов, в том числе и об их верованиях.

Для историков Сибири, этнографов, специалистов-религиоведов эти материалы представляют несомненный интерес, так как они свидетельствуют об очень глубоких анимистических корнях верований камчадалов и о значительной их стойкости, несмотря на многочисленные влияния как со стороны соседних народов, так и главным образом со стороны русского населения Камчатки, наконец, несмотря на христианизацию. Поэтому представляется полезным сопоставить данные С. П. Крашенинникова и Г. В. Стеллера, относящиеся к 30—40-м годам XVIII в., с материалами, собранными исследователем К. Дитмаром в 1851—1855 гг., и с нашими собственными наблюдениями в 20—60-х годах XX в. (поездки 1926, 1927, 1934, 1958, 1961 и 1962 гг.). Это тем более нужно, что материалы авторов XVIII—XIX вв., трактующие указанную тему, мало известны¹, наши же данные вообще не публиковались.

Формально ительмены приняли христианство еще в 40-х годах XVIII в., и обрядовая сторона православия, привнесенная в их среду казачеством, привилась и пустила довольно глубокие корни. Фактиче-

---

¹ Исключение составляет работа И. И. Огрызко «Дохристианские верования камчадалов», построенная только на материалах С. П. Крашенинникова и Г. В. Стеллера и изданная в 1971 г. [7]. Отметим, что мы старались не касаться фактов, приведенных И. И. Огрызко.

ски же их религией оставался примитивный анимизм с неизменными его спутниками — культом антропоморфных «хозяев» природы, животных, разного рода духов; характерным для верований был и тотемизм — признание животного (в данном случае ворона — Кутха) прародителем людей, а также фетишизм.

Наша статья призвана показать это на фактах, относящихся к трем столетиям. Мы рассмотрим материалы, касающиеся преимущественно основных божеств камчадалов и некоторых наиболее распространенных примет и запретов.

Отметим сразу же, что для нас этнонимы «камчадал» и «ительмен» являются в равной мере самоназваниями этого народа, но русифицированными по форме (оригинальное произношение *чамзанлян*, т. е. «люди земли», *инценмен* — «рыбные люди», т. е. рыбаки²). И анализируемые нами верования относятся к глубинному, автохтонному, дорусскому камчадалскому (=ительменскому) пласту. Случай же как возможных, так и очевидных заимствований или ассимиляций мы оговариваем. Правда, эти оговорки имеют значение для понимания древней религии собственно камчадалов, тогда как для религиоведения в целом они не обязательны, ибо в любом случае — будь то сугубая автохтонность или ассимиляция — речь идет о народах, находившихся на одном уровне социально-экономического развития, имевших один тип мышления, выразившийся в типологически едином комплексе воззрений на бытие.

«Главное основание веры их (камчадалов. — Е. О.) утверждается на древних преданиях, которые наблюдают они паче закону, не приемля никаких доказательств в опровержение», — писал С. П. Крашенинников [5, т. II, 77]. С. П. Крашенинников и Г. В. Стеллер отмечали многобожие камчадалов [5, т. II, 73]. Бога вообще они называли Дустехтич. В честь его ставили на ровных местах столб, обвязанный *тёншичем* (осокой). Проходя мимо такого столба, камчадалы всегда бросали кусочки пищи в жертву, около этого места никогда не собирали ягод и не убивали ни зверя, ни птицы.

«Свет-мир» камчадалы считали вечным, души — бессмертными. По их представлениям, после смерти «все твари до малейшей мухи восстанут» и будут жить под землей в полном довольстве [5, т. II, 77]. Люди там будут так же трудиться, как и на земле, но «на том свете» их ждет более спокойная жизнь, потому что «там меньше бурь, дождей и снегу и во всем такое изобилие, каково было на Камчатке во времена Кутховы: ибо они думают, что свет от времени до времени становится хуже и все против прежнего умалывается» [5, т. II, 79].

Кутх — бог-создатель камчадалского народа, первопредок, прародитель [5, т. II, 71]. В разных районах его называют по-разному: Кут, Кутха, Кутху, Кук, Кукх; Кутх — чаще всего встречающийся вариант, которого мы и придерживаемся, оставляя при цитировании старых авторов их написание. Сложнее обстоит дело с членами семьи Кутха. Жену его, по сообщению С. П. Крашенинникова, звали Илькхум [5, т. II, 71], на западном побережье — Миты, в долине р. Камчатки (селение Машура) — Какх [4, 353].

У С. П. Крашенинникова первый сын Кутху — Сымскалин, дочь — Сидуку [5, т. II, 71—72], в долине р. Камчатки — соответственно

---

² Это подробно рассмотрено в нашей диссертации, оппонентами по которой выступали акад. Л. С. Берг и член-корр. АН Д. К. Зеленин [см. 9]. В. В. Антропова переводит слово «ительмен» как «житель, живущий человек» [5а, 978]. Камчадалами называют также не только собственно аборигенов, т. е. ительменов, но и потомков русских переселенцев XVIII в.; естественно, мы не касаемся этой группы населения.

Трел-кутхан и Иш-шахельс [4, 353], на западном побережье — Эмем-кут и Сыру [8, 125, 129]³.

Все камчадалы почитали Кутха, «от которого произошел народ их» и который до этого жил на небе. По одним преданиям, «Кутху сотворил Землю из своего сына, называемого Сьгмскалин (отсюда по-камчадалски *сымт* — земля. — Е. О.)», по другим — Кутх со своей сестрой «Землю снесли с неба и утвердили на море» [5, т. II, 71]. Сразу же после сотворения Земли Кутх обосновался на Камчатке, которую постепенно заселяли его потомки. Первыми детьми Кутха на Земле были сын Тыжил-Кутх и дочь Сидуку, вступившие впоследствии в брак.

Кутх и его семейство носили платье, сшитое из листьев, питались березовой и таловой корой, потому что зверей в это время не было, а рыбу ловить они еще не научились. Кутх изобрел лодку для передвижения по воде, а Тыжил-Кутх, стремясь помочь своему народу, — способ вязать сети из крапивы и ловить рыбу. Он же сотворил зверей, назначил Пилячуча (или Билююка) их пастухом и первым начал шить теплую меховую одежду — кухлянки и парки [5, т. II, 72—73].

Камчадалы из селения Машура сообщили К. Дитмару в 1853 г., что их главный бог Кухх со своей женой Какх, с сыном Трел-кутхан и дочерью Иш-шахельс живут на вершинах вулканов и используют для своих нужд их огонь [4, 353]. По сведениям же С. П. Крашенинникова, Кутх в свое время покинул Камчатку [5, т. II, 72]⁴.

Несколько иную картину заселения Камчатки описали мне в 1926—1927 гг. в селениях западного побережья этого полуострова: «Кутх вместе со своей сестрой-женой Миты прибыл на Камчатку с моря, с юго-западной стороны (в лодках, на байдарках или на батах — не знают). Остановились они сначала в устье Большой реки, где стоит теперь селение Большерецк. Прожили здесь два года, родили сына и дочь и, оставив их на месте, поехали дальше на север до устья следующей рыбной реки и т. д. Когда Камчатка была заселена, Кутх и Миты опять ушли в море на запад, а куда девались — не помнят» [9, 118]⁵.

Когда Кутх ездил на собаках по Камчатке, то образовывались горы и долины; особенно глубокие и большие долины получались там, где его собаки долго отдыхали. Радугу считали за «подзор» (вышивку) на подоле кухлянки Кутха; когда гремел гром, камчадалы думали, что это Кутх вытаскивает на берег баты (лодки) и т. п.

³ Подобные различия, а также (в еще большей мере) значительные расхождения разных наречий камчадалов (они бросаются в глаза при изучении приложенных С. П. Крашенинниковым к своей книге соответствующих параллельных словарей) дают нам основания предполагать, что камчадалы были конгломератным народом. Отдельные их группы, возможно, были занесены бурями и течениями с побережья и островов Восточной и Юго-Восточной Азии, другие — с низовьев Амура, третьи — с Курильских островов и т. д. С. П. Крашенинников отрицает возможность прихода камчадалов с севера — «вокруг Пенжинского моря» — на том основании, что у них не было представлений ни о якутах, ни о ламутах (эвенках), с которыми они неизбежно должны были бы встретиться при продвижении на Камчатку этим путем. Поскольку этногенетические сюжеты лежат за пределами данной статьи, отошлем интересующихся к специальным работам В. В. Антроповой [1], И. С. Вдовина [2], И. С. Гурвича [3].

⁴ С. П. Крашенинников использовал материалы Г. В. Стеллера и многократно ссылается на него в своем знаменитом «Описании земли Камчатки», впервые изданном в 1755 г. [5]. Рукопись Г. В. Стеллера была опубликована в 1774 г. на языке оригинала — немецком [11], а на русском сокращенный перевод опубликовал в популярном издании П. П. Сойкин [10].

⁵ Это позволяет предположить, что ительмены попали на Камчатку водным путем. Несколько сложнее обстоит дело с постоянно фигурирующими в преданиях кровосмесительными браками детей Кутха. В данном случае мы имеем дело либо с отражением порядков, существовавших у камчадалов когда-то в далеком прошлом, либо с логически необходимым элементом, без которого невозможна легенда о первопредке.

Кутха камчадалы отождествляли с вороном. Этот персонаж, очевидно, был заимствован у палеоазиатских народов, живущих к северу от них: коряков, чукчей, эскимосов. Особенно тесные связи у камчадалов с родственными чукчам коряками, часть которых уже столетия живет с ними бок о бок. Однако по мере продвижения на юг — от чукчей к камчадалам — этот образ претерпел любопытную трансформацию. Грозный бог-творец индейцев Северо-Западной Америки, эскимосов и чукчей у камчадалов превратился в жалкое, сластолюбивое существо, над которым все смеялись и издевались. Именно таким застаем мы Кутха в мифологии и сказках ительменов.

«Никого глупее не представляют, как своего Кутху, чего ради и не воздают ему никакого почтения, ничего у него не просят и ничем так, как именем его, не забавляются, рассказывая про него такие непристойности, о которых и писать гнусно, — сообщает в своей книге С. П. Крашенинников. — Между прочим, и то в порок ему ставится, что он столько гор и стремнин сделал и столько мелких быстрых рек, что столько дождей и бурь производит и беспокоит их. И для того, восходя зимой на высокие горы или спускаясь, ругают его всякою бранью. То ж делают и при других трудных обстоятельствах» [5, т. II, 73].

Г. В. Стеллер, стремясь поподробнее выяснить мирозерцание камчадалов, опросил больше 100 человек. Выяснилось, что все они ни страха, ни уважения, ни любви к творцу не испытывали и считали, что он мог бы все в мире устроить лучше. Камчадалы говорили, что бог «ни щастию, ни нещастию их не бывает причиной, но все зависит от человека» [5, т. II, 77].

Аналогичные материалы приводит и К. Дитмар. Согласно его сведениям, боги, по представлению камчадалов, живут в отрыве от людей, своей собственной жизнью. Поэтому ительмены не обращают на них никакого внимания. Более того, боги у камчадалов, сообщал К. Дитмар, служат предметом постоянных насмешек, их винят в том, что они плохо устроили землю, нагромоздив на ней неудобные для жизни горы, дали людям мало тепла и много снега, льда и ветра [см. 4, 353]. И в данном случае, по-видимому, имелся в виду в первую очередь «творец» земли Кутх.

Все это, на наш взгляд, делает оправданным предположение, согласно которому Кутх — персонаж, чуждый для ительменов, заимствованный ими из чужой мифологии. Сравнение же отношения к Кутху и Дустехтичу наводит на мысль, что образ последнего представляет собой остатки более древнего пласта верований камчадалов.

Семейство Кутха, как уже отмечалось, — не единственные персонажи ительменской мифологии. «Хозяином моря» в ней был Митг, представлявший камчадалами в виде рыбы, «хозяином подземного загробного мира» — Гаеч, землетрясения производил Туил, когда его собака Козей встряхивалась, сбрасывая с себя снег. «Пастухом» (богом) всех животных считался Пилячуч (или Билюкай), живший в облаках вместе с *камули* (о них см. ниже) и посылавший на Землю гром, молнию и дождь. Всеми богатствами земли ведал Пльхлен, эти богатства хранились его женой в мешочке «пете», подвешенном между ног.

Кроме того, согласно сообщению Г. В. Стеллера, приводимому Крашенинниковым, камчадалы признавали и «беса» (Канну), которого представляли весьма хитрым и ловким обманщиком. Жилищем его считали очень старую ольху возле Нижнекамчатского юстрога. «Камчадалы ежегодно в нее стреляют, отчего она вся стрелами изнатыкана» [5, т. II, 76]. По сведениям К. Дитмара, камчадалы верили в злого духа Сосочелка, который все время вертится среди людей, драз-

нит, мешает во всем и даже вредит им. Поэтому ему необходимо приносить жертвы и задабривать через шаманов [4, 353].

Старожил селения Хайрюзово Н. Змиев, женатый на ительменке, сообщил нам, что камчадалы верят в существование духа Фех-кнезуам, который может превращаться и в мужчину, и в женщину. Фех песнями заманивает людей в лес или к реке. Его боятся и избегают, так как увидевший его сходит с ума. По-видимому, Фех является местной аналогией русалки *Камак*, которой также приписывалось множество самых злых проделок, совершаемых ею из ненависти к человеку (о ней см. ниже).

Все «опасные» места — действующие вулканы, крутые и высокие горы, горячие источники, леса — были населены, по представлениям ительменов, злыми духами, которых они боялись больше, чем добрых. Злых горных духов называли *камули* (малые души; ср. *камучель* — душа), лесных — *умахчу*, добрых — *кугуйгудучь*.

Леса и низкие горы воображение ительменов населяло карликами *пихлачами* (охотничий вариант гномов?), которые зимой и летом разъезжают по стране в очень маленьких санках, запряженных тетеревами, и накапливают запасы ценнейших мехов. Если поперек следа санок пихлачей положить очищенную от коры жердь, санки заедут за жердь и разобьются. Вынужденный обратиться к людям с просьбой исправить санки, карлик щедро вознаграждает за помощь мехами. Если человек, встретив пихлача, по его приглашению пойдет за ним, то обязательно погибнет. Особенно пихлачи преследуют христиан [4, 353—354]. Опасна также русалка *Камак*, заманивающая людей в воду, где она их убивает. Легенды о ней были распространены в долине р. Камчатки.

Земля, по убеждению камчадалов, была плоской и представляла собой «изнанку подземного неба». «Когда у нас бывает лето, — говорили они, — тогда у них зима (у жителей подземного мира. — *Е. О.*); а когда у них лето, то у нас зимнее время» [5, т. II, 77].

С «опасными» местами у камчадалов было связано большое число легенд. Дымящиеся горы, по сообщению С. П. Крашенинникова, ительмены считали жилищами мертвых, появление дыма они объясняли тем, что покойники топят свои юрты. Питались эти умершие, по убеждениям камчадалов, жиром китов, которых ловили в море под землей. Китовые же кости шли на топливо. Иногда эти кости, пояснял С. П. Крашенинников, можно найти на вершинах и склонах гор [5, т. I, 177].

Несколько иной вариант этой легенды связан с Опальской сопкой (у южной оконечности Камчатки). Согласно материалам Г. В. Стеллера, «камчадалы содержат помянутую гору в великом почтении и рассказывают о ней ужасные вещи, чего ради не токмо наверх ее, но и к подножию ходить опасаются: для того-де, что там много живет духов Гамулов (духи гор камули. — *Е. О.*)» [5, т. I, 69; см. также 5, т. II, 74—75]. Таким образом, по данным, собранным Крашенинниковым, внутренность вулканов — это жилище мертвых, а по материалам Стеллера, приводимым также Крашенинниковым, там живут духи; поведение же тех и других одинаково. Так, по словам ительменов юга Камчатки, на вершине Опальской горы есть озеро, около которого много китовых костей. Они думали, что камули ночью выходят из горы и ловят в море китов, мясо которых используют как пищу, а кости — вместо дров для отопления [5, т. I, 69].

У Г. В. Стеллера упоминается еще одно такое легендарное место — «Кутхины баты» (беловатые пемзовые останцы в виде столбов), расположенные «в 9 верстах от вершины Озерной реки». Камчадалы рассказывают что «Бог и Творец Камчатки Кутху жил там несколько времени, в сих каменных челноках или батах по морю и озеру ездил для

промыслу рыбы, а по выходе оттуда поставил челноки на объявленном камне, и оные... в таком почтении от них содержатся, что, близко подходить к ним опасаются» [5, т. I, 68].

Интересно сравнить приведенные материалы Г. В. Стеллера и С. П. Крашенинникова с нашими полевыми материалами (в основном середины и конца 20-х годов, а отчасти и 50—60-х годов).

Еще в 1926—1927 гг. многим сопкам «нэйнэ» и отдельным камням «вач», которые были известны всему населению, принесли жертвы, особенно в случаях неудачной охоты или промысла. При проезде около таких сопкок запрещалось смеяться и требовалось умиловить жертвой горных духов, живущих на них, т. е. бросить в их сторону кусочки пищи или немного табаку, или чаю, или тряпочку, или кусочек сахара. Среди таких мест особенно известными были сопки «Паппак» (близ селения Хайрюзово), «Бабушка» (недалеко от селения Сопочно-го), «Изменная» (расположенная в 15 км от селения Тигиль). Около таких сопкок обычно имеются старые юртовища, где в большом количестве находят неолитические каменные орудия. Этим, по-видимому, и объясняется возникновение разного рода легенд.

Жертвы (собольими и лисьими «норками»⁶) приносились огню.

Живым существом, могущим реагировать на поступки людей и даже мстить за них, представлялась ительменам река. Со стремлением задобрить ее и обеспечить удачу в рыбном промысле был связан весенний обряд «встречи реки». По рассказам камчатских старожил, реку угощали тем, чего в ней нет: положив на легкую кору от тополя хлеб и соль, пускали их в воду.

До 30-х годов XX в. ительмены избегали многих «опасных» мест, так как человеку «чудилось». На таком месте никогда не ставили дом и не ночевали. Если в новом доме начинало «чудиться», его покидали.

Камчадалы, как и многие другие народы, находившиеся на той же стадии общественного развития, наделяли животных многими свойствами людей. Так, у них до сих пор живет представление о мышках как о целом народе, разбитом на племена. Раковины моллюсков, встречающиеся по берегам рек и морей, ительмены даже в первой четверти XX в. считали «батами» мышей, на которых они переправляются через большие реки и даже через заливы моря. Ительмены думали, что мыши ведут точно такой же образ жизни, как и люди. Поэтому, когда ительменки выбирали *сарану* и *кемчигу* (луковичные съедобные растения) из мышиных складов, они всегда оставляли часть запасов для мышей, ибо были убеждены, что мыши, лишившись корма, запасенного ими на зиму, могут покончить жизнь самоубийством, удавись травинкой или сунув голову в развилку сучка. В ительменских сказках мыши всегда наделяются сообразительностью, сноровкой, хозяйственностью. К житам, касаткам, медведям, волкам, встретив их в море или в лесу, камчадалы обращались с просьбой не трогать их и не причинять им беды.

О камчадальских шаманах писал, как уже отмечалось, еще В. Атласов. Более подробно этот вопрос освещен С. П. Крашенинниковым. «У камчадалов,— писал он,— нет особых шаманов, как у других тамошних народов, но всякая баба, а нашпаче старуха и всякий коекчучь⁷ волхвом и толкователем снов почитается. При шаманстве не

⁶ Норка — узкая полоска кожи, срезанная с носа и рта зверя.

⁷ Коекчучь — человек, вообразивший себя лицом другого пола. Чаще такими бывали мужчины, одевавшиеся в этом случае в женские одежды и выполнявшие женскую работу.

бьют они ни в бубны, ни платя нарочно для того сделанного не надевают... но нашептывают на рыбу шаглу (жаберная крышка), на сладкую траву, на тоншичь и тем лечат болезни, тем отвращают несчастье и будущее предвозвещают... Главное их шаманство бывает таким образом: две бабы садятся в угол, непрестанно шепчут, одна привязывает к ноге крапивную шитку, раскрашенную красною шерстью, и качает ногу» [5, т. II, 81—82]. Если нога легкой покажется — будет удача, если тяжелой — жди неудачи или несчастья. В случае неудачи на охоте или несчастья в семье хозяин сразу же обращается к старухе или к своей жене. Камчадалы занимались также хиромантией и толкованием снов, с чего обычно начиналось утро.

Речь идет, таким образом, не о типичном шаманстве, а скорее о знахарстве и колдовстве. Еще в 1927 г. среди ительменов сохранялись общепризнанные знахари. Нам было известно о существовании трех «шаманов» — двух женщин в селении Утхолук (особенно искусной считалась Пелагея Уксусникова) и одного мужчины в селении Хайрюзово (И. И. Заев). Лечили знахари травами и, разумеется, помогали больным (если помогали!) именно своими лекарствами, а не наговорами и камланием. Однако они окружали свое искусство таинственной оболочкой шаманских манипуляций и нашептываний. Сбором лекарственных растений, а стало быть, и изучением их целебных свойств занимались почти исключительно женщины, поэтому-то, несомненно, самыми искусными были женщины-знахарки.

Огромную роль в жизни камчадалов играли всякого рода поверья и приметы. Категорически запрещалось, например, спасать утопающего или засыпанного снежной лавиной, так как считалось, что тем самым лишаются желаемой пищи духи воды и гор. Нельзя было подниматься на действующие вулканы, ссориться или драться над кислой рыбой (по поверью, это вызывало несчастье или чирьи на теле), в одном котле варить мясо различных зверей и птиц, ножом соскабливать снег с обуви (чтобы не вызвать бурю). Извержение вулканов не только камчадалы, но и казаки считали за предзнаменование кровопролития.

Множество примет было связано с рыболовством: если перегнать через реку лошадей, то в реку не пойдет корюшка; если собака переплывет реку выше «запоров»⁸, то кижуч (вид лососевых) уйдет из реки; если перевезти через запорные места оленью кровь, шкуру выдры, зайца или убитого глухаря, то вся рыба уйдет из реки.

К рыболовному промыслу относился и целый ряд запретов, своего рода табу: по реке весной нельзя сплавлять тополевыи лес; весной нельзя разбирать старые дома и балаганы⁹, потому что на них много юкольной моли, последняя ест рыбу, поэтому рыба боится ее и может уйти из реки. Железным топором нельзя забивать запорные колья в дно реки. Примерно до 1927 г. колья забивали в дно реки деревянными громоздкими колотушками, так как рыбаки были уверены в том, что железным топором можно «перерубить» реку и тогда в ней совсем не будет рыбы. Железному топору, сразу же до невероятности упростившему работу ительменов, вооруженных еще в начале XVIII в. каменным топором, первоначально не посчастливилось. Из разных легенд мы узнаем, что когда он впервые попал в руки древних обитате-

---

⁸ Запор (заездок) — способ рыбной ловли, когда русло реки перегораживают забитыми в дно реки кольями, как бы «запирая» выход рыбе. Здесь, у запора, скопившуюся рыбу отлавливают.

⁹ Балаган — хозяйственная постройка для хранения вяленой рыбы: имеет вид чума на свайной платформе.

лей Камчатки и его качества были испробованы в лесу, то топор со страхом забросили подальше, так как подумали, что из-за него «весь лес сгнил».

В то время, когда река была покрыта льдом, запрещалось делать «толкуши»¹⁰, в противном случае река могла выйти из берегов и затопить все сенокосы, унести все сено, сложенное в стога и зароды по ее берегам.

Целый ряд примет и запретов связывался и со вторым по важности ительменским промыслом — охотой на пушного зверя. Так, например, в первый день охоты оставшимся дома женщинам нельзя было подметать пол, выбрасывать пепел из печки (что сулило либо полную неудачу охоты, либо даже несчастье), шить, чесать волосы.

Все время, пока кто-нибудь из семьи находился на охоте, во избежание неудачи, а также домашних неприятностей, нельзя было выбрасывать на улицу сор из дома. Когда хозяин уезжал на промысел в море, в первый день нельзя было совсем шить, а затем, до его возвращения, запрещалось шить иголкой от себя (так как тогда лед-припай, на котором промышляли нерпу и лахтака — морского льва, мог отойти от берега и унести людей в открытое море). Иголку с ниткой нужно было направлять к себе, — тогда морской лед-припай будет притягиваться к берегу и будет счастливая охота. Во все время промысла на морского зверя после подметания пола сор не выносили из дома. Нельзя было также выбрасывать пепел и горящие угли из печки на улицу, так как в противном случае на море якобы поднимется буря и охотник погибнет. Кроме того, на промысле запрещалось заводить товарищу, которому везет на охоте, — иначе будет беда.

У ительменов сохранилось много примет, связанных с женщинами, особенно с их «колдовскими чарами». Через места на реках, где установлены рыболовные запоры, нельзя перевозить женщин, иначе рыба совсем не будет подходить к запору (перед запором женщины должны были выходить на берег, идти пешком вверх по течению и только выше запора могли садиться в бат и плыть дальше). Если через реку перевозит беременную женщину, рыба совсем не пойдет в реку. Несчастливым считался даже муж, у которого жена беременная (поэтому при подборе артели на охоту старались не брать его в артель; такому охотнику часто приходилось охотиться одному). Если женщина переступала через ружье, то ружье уже не годилось для охоты, оно считалось испорченным (будет бить мимо или постоянно давать осечку); такое ружье приходилось снова пристреливать, как новое. Для охотника, несколько раз промахнувшегося, объяснения для этого не требовалось; ясно, что женщина «по злобе», без его ведома, переступила через ружье. Если промышленник убил соболя, лисицу или другого зверя, а зверь не сразу умер, а долго мучился, это было верным признаком для ительменов, что у кого-нибудь из товарищей в их артели жена забеременела. Если муж ушел на охоту, а жена плохо ведет себя, то бывает неудачная охота. Если женщины перевозят через реку кемчигу и сарану, взятые из нор мышей, то даже та рыба, которая вошла в реку, может уйти обратно в море (в данном случае неясно: кемчига и сарана или женщины обладают такой силой, которая может задержать даже рунный ход рыбы). Если женщина подойдет к чавычье¹¹ сетке, то рыба не пойдет в сети.

---

¹⁰ Толкуша — своего рода винегрет из съедобных корней, рыбы, ягод, жира и пр.

¹¹ Чавыча — крупная рыба из семейства лососевых.

Кроме перечисленных примет, относящихся к отдельным видам охотничьего промысла, а также к женщинам, есть и другие, чисто бытовые. Вот некоторые из них.

Нельзя смеяться, когда ходишь в лесу и собираешь ягоды: навешь болезнь. Красные глаза куропатки ительмены по аналогии связывали с красными глазами, пораженными трахомой, и поэтому куропаток даже в голодные сезоны не употребляли в пищу. Если в селении появлялась какая-нибудь болезнь, то добывали «деревянный огонь». Для этого брали брусок дерева с ямкой, в которую вставлялась палочка. Руками или лучком крутили палочку до получения огня, от которого зажигали печи во всех домах.

У камчадалов были свои культурные герои. Например, К. Дитмар получил сведения о герое по имени Божош, которого чтили в некоторых деревнях долины р. Камчатки; нам рассказали о герое Тылвале, почитаемом на западном побережье Камчатки [9, 136—139]. Но это тема скорее фольклорного исследования, чем религиоведческого. В то же время ряд поверий и легенд носит чисто анимистический и тотемистический характер. Вот яркий пример.

В сентябре 1926 г. в селении Тигиль на западном побережье Камчатки нами была записана легенда от жителя селения Шеромы (в долине р. Камчатки) В. В. Панова. Он начал так: «На моей памяти, когда я был еще мальчиком, у нас в деревне жил шаман-тоён Мерлин. Он мог превращаться в медведя; все звери исполняли его желания. Когда тоён охотился — ни один зверь не уходил от него. Захочет на бегу остановить соболя — остановит: соболю вдруг окажется с переломанными ногами, будет кружиться и беспомощно барахтаться в снегу до тех пор, пока тоён-шаман не подойдет и не возьмет его голыми руками.

Были попытки брать потихоньку из его капканов соболей, но шаман, по своему ясновидению, уже знал об этом, и вор оставался неподвижным около капкана, в той позе, в какой его заставляло всемогущее, наказующее слово шамана. Наказывал тоён строго, поэтому скоро не осталось смельчаков, которые решились бы воспользоваться его счастливой охотой.

О способности тоёна превращаться в медведя мы узнали уже после его смерти, — продолжал Панов. — Дело было так. Каждое лето медведь давил у нас в селе коров, причем, как по выбору, гибли коровы тех хозяев, на которых сердился тоён. Летом же, как нарочно, тоён уходил и скрывался куда-то; все поиски его были напрасны. Нам и в голову не приходило, что тоён-шаман может в медведя превращаться. А медведь все ходил и давил коров. Старались его искать по следам, караулили, но все было напрасно. Так долго шло время.

Вдруг пропала сноха — жена сына тоёна. Искали — не нашли. Но с тех пор около селения стали бродить два медведя: секач с матухой, а раньше один секач бродил. Коровы всё убывали и убывали.

Пришла зима. Сын тоёна, у которого жена пропала, поехал как-то раз за дровами в лес; дрова еще с осени были нарублены и сложены в костер. Приезжает и видит — из-под костра пар валит; он сразу догадался, что медведь сделал свою берлогу около его дров; вернулся домой, рассказал брату, и, захватив ружья, они оба пошли промышлять медведя. Начали его тревожить. Медведь долго не хотел выходить, потом вылез, поднялся на дыбы и упал, сраженный пулями.

Братья, довольные добычей, принялись пластать медведя и вели веселые разговоры. Только что они сняли шкуру с медведя и разостлали ее на снегу, вдруг на шкуру выскочила матуха. Братья от неожиданности вскочили, даже ружья схватить не успели. Вдруг матуха

заговорила человеческим голосом: „Что же вы сделали? Ведь вы отца родного убили!..“ После этих слов матуха превратилась в женщину и со слезами рассказала мужу и его брату, как все произошло: „Однажды, заметив, что старик куда-то собирается, я стала следить за ним. Он пошел в лес — и я за ним потихоньку, крадучись, чтобы старик не заметил. Вдруг старик воткнул в землю нож, перескочил через него и бросился в сторону. Я подождала, подумала немного, потом подбежала к ножу и тоже перескочила через него. Сама себя не узнала и закричала, а он как рявкнет: „Эх, сноха, сноха! Что же ты наделала-то? Теперь я уже не смогу снова превратиться в человека... Ну, делать нечего — пойдем вместе!..“ Так мы целое лето вместе и ходили. Когда наступила зима, свекор нарочно выбрал место для берлоги около дров: он знал, что там его скорее увидят, убьют и через это меня скорее сможет в человека превратить.

Свекор дал мне такое наставление: „Когда приедут за дровами и будут нас промыслять, я должен выскочить первым — пусть меня убьют. Когда снимут с меня шкуру и расстелют на снегу, — ты выскывай скорее на нее и тогда снова обратишься в женщину. Мне один конец: ты помешала в самом начале — и теперь я должен умереть, потому что не могу больше снова превратиться в человека...“ Я не могла не исполнить того, что он велел: как сказал свекор, так я и делала. Вот я опять женщина...»

Привезли братья домой мясо секача-медведя, своего убитого отца, и бабу, пропавшую жену одного из братьев. Секача потихоньку схоронили, а баба осталась в деревне доживать свой век.

Старика шамана-медведя убили, но несдобровала и старуха за свои шаманские дела. В эту историю вмешался священник Никольской церкви в Милькове: он донес о случившемся в город Петропавловск начальнику уезда и приложил просьбу: „Сжечь эту дьяволицу!“ Начальник разрешил.

За рекой сложили большой костер, облили его керосином, все приготовили к обряду и потащили старуху шаманку на костер. Старуха не противилась, но только не велела жечь себя за рекой. „Если, — говорит, — перевезете меня за реку, — не придет к вам больше рыба!..“

Мужики не послушались старухи — должно быть, надеялись на крестную силу (священник с крестом был впереди шествия), перевезли бабу за реку и сожгли ее на костре. И что же? На другой год — нет рыбы, — вспомнили слова старухи; еще год прошел — нет рыбы, — заплакали, третий год — нет рыбы. Все чаще вспоминали старуху, да поздно было. Настал такой голод, какого никто не запомнит; ели таловую кору, смешав ее со старой сухой икрой, и долго вспоминали своих сильных шаманов».

Этими словами старик Панов закончил свой рассказ.

Таким образом, приведенные материалы рисуют довольно яркую картину древних верований камчадалов-ительменов, основанных на широком анимистическом комплексе воззрений с отчетливыми следами тотемизма и фетишизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропова В. В. Расселение ительменов первой половины XVIII в., — ИВГО, т. 81, 1949, № 4.
2. Вдовин И. С. К проблеме этногенеза ительменов, — СЭ, 1970, № 3.
3. Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири, М., 1966.
4. Дитмар К. фон. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг., ч. 1 СПб., 1901.

5. Крашенинников Степан. Описание земли Камчатки, т. I—II, СПб., 1786.
- 5а. Народы Сибири, М.—Л., 1956.
6. Оглоблин Н. Две «сказки» Вл. Атласова об открытии Камчатки,—«Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. 3, отд. 1, СПб., 1891
7. Огрызко И. И. Дохристианские верования ительменов,—«Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 413, Л., 1971, стр. 109—125.
8. Орлова Е. Ительмены (остатки древних обитателей Камчатки),—«Статистический бюллетень», Хабаровск — Благовещенск, 1927, № 8—9, стр. 68—78.
9. Орлова Е. П. Камчадалы-ительмены, Л., 1946 (рукопись канд. дисс.).
10. Стеллер Г. В. Из Камчатки в Америку. Быт и нравы камчадалов в XVIII веке (пер. с нем.),—«Природа и люди», кн. 11, Л., 1927.
11. Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, dessen Einwohnern, deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verschidenen Gewohnheiten, Frankfurt und Leipzig, 1774.